

УДК 343.26 (571.1/.5)
ББК X819(2РБ)112.031-32

А.А. Иванов

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ССЫЛКЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Сделан анализ развития правовой базы уголовной ссылки в Российской империи. На примере Устава о ссыльных, некоторых подзаконных актов рассмотрены особенности наказания, классификация осужденных. На материалах Восточной Сибири показан противоречивый характер применения уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное законодательство, ссылка, Иркутская губерния, Устав о ссыльных.

A.A. Ivanov

LEGISLATION ON EXILE AND ITS ADMINISTRATION IN SIBERIA IN 1850–1900

The author analyses the development of the legal base for criminal exile in the Russian Empire, and studies peculiarities of the punishment and classification of the convicts on the basis of the Statute on the exiled and some by-laws. The article demonstrates controversies in the Criminal Law administration by the example of Eastern Siberia.

Keywords: criminal legislation, exile, Irkutsk province, the Statute on the exiled.

Каторга и ссылка в Сибирь середины XIX–начала XX вв., как важнейшая часть внутренней политики государства, подлежали регламентации целым рядом законодательных актов, уставов и положений. Важнейшими из них были Уголовное Уложение, Уложение о наказаниях, Устав уголовного судопроизводства, Положение о чрезвычайной и усиленной охране, Устав предупреждения и пресечения преступлений и, конечно же, Устав о ссыльных.

В законодательстве о каторге Устав о ссыльных 1822 г. занимал центральное место. Этот акт следует рассматривать как составную часть комплекса законов Сибирской реформы 1822 г., инициатором которой был М.М. Сперанский. Устав не только положил начало длительному процессу законодательного формирования системы сибирской ссылки, но в значительной мере впервые упорядочил ее практическое применение [2, с. 75]. Именно с принятием Устава начался систематический учет ссыльных, проходивших в Сибирь через Тобольский приказ, до этого исследователи пользовались отрывочными и часто противоречивыми сведениями путешествовавших иностранцев, реже — соотечественников, изучавших суровый край с точки зрения наличия полезных ископаемых, водных и лесных ресурсов.

Устав о ссыльных включал 435 параграфов. Документ впервые подразделял каторжан на несколько категорий в зависимости от тяжести совершенных ими преступлений — на работающих на заводах, строящих дороги, служащих в качестве прислуги, живущих сельскохозяйственным трудом, наконец, больных, о которых следует проявлять заботу и т.д. [6].

Следует подчеркнуть, что при создании Устава М.М. Сперанский пользовался и личным опытом, приобретенным им в Сибири. Зимой 1820 г. реформатор посетил Забайкалье: побывал в Селенгинске, Кяхте, Верхнеудинске, а в конце февраля осматривал Нерчинский завод. Побывал и в шахте. «Ужас сего места; процессия в стране мертвых со свечами; контраст мальчиков и их голосов, работающих вместе с преступниками» — записал он в своем дневнике. А дочери написал: «Вчерашний день я возвратился из преисподней... Я видел своими глазами последнюю линию человеческого бедствия и терпения. Ничто не может быть поучительнее сего впечатления». Организацию производства на Нерчинских рудниках он нашел, как указывает В.И. Вагин, в крайне жалком состоянии. «Хижины и развалины» — назвал увиденное генерал-губернатор [1, с. 51, 58].

Несмотря на четкое разделение ссыльных по разрядам и, как казалось, детально проработанное их трудоустройство, Устав уже в первый год после утверждения и вступления в юридическую силу показал свою практическую нереальность. Упорядочив систему ссылки, организовав четкий порядок этапирования арестантских партий через Европейскую Россию в Сибирь, Устав не учитывал, на наш взгляд, главного — все возрастающих масштабов ссылки, того, что местные промышленные предприятия просто не в силах были вместить такое количество осужденных, обеспечив их работой. Например, если в 1812–1821 гг. за Уральский камень было отправлено 39 761 чел., то в следующем десятилетии — 91 709, а в 1832–1841 гг. — еще 78 823. Всего же, по данным А.Д. Марголиса, с 1807 по 1881 г. Сибирь приняла 635 319 ссыльных [5, с. 30]!

На протяжении XIX в. институт каторги и ссылки претерпевал существенные изменения. На него влияли как общие социально-политические процессы в стране, так и изменения государственной правоохранительной доктрины. В связи с этим Устав о ссыльных постоянно дополнялся или сокращался, часть статей, устаревших и несоответствующих действительности, просто отменялась. Например, в Уставе о ссыльных издания 1857 г. содержалось 914 статей [7, с. 1–151]. Со временем часть положений были изъяты из применения, и в редакции 1890 г. имелось уже 526 статей. Социальное и экономическое развитие страны, и Сибири в частности (к примеру, сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали), сделало и в этом Уставе ряд статей устаревшими и ненужными, поэтому в редакции 1909 г. всего 280 статей. Проанализируем здесь именно эту редакцию Устава.

Устав о ссыльных издания 1909 г. состоит из введения и шести глав. Анализ содержания документа убеждает в том, что перед нами наиболее полное собрание положений, регулирующих институт каторги и ссылки начала XX в.: «Об учреждениях и лицах, заведующих ссылкой», «О препровождении ссыльных к местам назначения», «Об отбывании ссылки», «О браках и семействах ссыльных», «Об имуществах ссыльных», «Об уголовной и дисциплинарной ответственности ссыльных».

Введение содержит всего две статьи. Первая наиболее важна — именно она определяет содержание государственной политики: «Два рода ссылки определяются судебными приговорами в наказание за преступные действия: ссылка в каторжные работы, и ссылка на поселение в местности, к тому предназначенные (а). Кроме того, бродяги, по отбытии ими наказания в исправительных арестантских отделениях или в тюрьмах, отправляются, для водворения в Якутскую область (б).

Сообразно сему ссыльные разделяются на каторжных, ссыльнопоселенцев и бродяг (в)» [8, с. 1].

Анализ статьи дает следующие выводы. Во-первых, ссылка — уголовное наказание. Во-вторых, ссылка является наказанием «за преступные деяния», т.е. подразумевает ответственность за уже совершенное преступление. И наконец, в-третьих, все ссыльные делятся на каторжных, ссыльнопоселенцев и бродяг. Таким образом, ссылка — это судебное наказание за совершенное преступление, назначенное в виде каторжных работ и (или) ссылки на поселение.

Глава первая Устава определяет круг учреждений и лиц, заведующих ссылкой. Согласно ст. 3, главное заведование тюремной частью гражданского ведомства сосредоточено было в Министерстве юстиции по Главному тюремному управлению и Совету по тюремным делам. На начальника Главного тюремного управления возлагалось руководство всеми местами заключения гражданского ведомства и арестантской пересыльной частью. Однако закон допускал и исключения из этого правила. Часть первая той же третьей статьи гласила: «Высший надзор за всеми заключениями, предназначенными для содержания под стражею лиц, обвиняемых в преступных деяниях, указанных в ст. 1030 и 1031 Уст. Уг. Суд., или осужденных за означенные деяния, принадлежит Министерству внутренних дел». Таким образом, ссыльные и каторжане, обвиняемые по ст. 99–113, 116–119, 121 и 128 Уголовного Уложения 1903 г., т.е. большая часть «государственных преступников», оставаясь в ведении Министерства юстиции, были под «высшим» надзором МВД.

Конвоирование ссыльных по Главному сибирскому тракту и по всем этапным трактам Европейской России возлагалось на конвойную службу, подчинявшуюся по согласованию Министерству юстиции и военному. На местах ссылки все дела ссыльнопоселенцев переходили в ведение губернских тюремных инспекций, а заведование каторжными тюрьмами возлагалось «на непосредственную ответственность» местных губернаторов. Таким образом, ссылка и каторга Российской империи находились в ведении нескольких ведущих министерств — юстиции, внутренних дел, военного. На местах же, в Сибири, одну из главных ролей в руководстве этим институтом играли губернаторы и генерал-губернаторы.

Наибольшее количество статей — 95, или больше трети от общего числа, содержит третья глава «Об отбывании ссылки». Она начинается статьями о ссыльнокаторжных. Каторжные на основании вынесенных о них приговоров делились на три разряда. К первому принадлежали осужденные без срока, «вечники» или имеющие срок свыше 20 лет; ко второму — осужденные на сроки от 8 до 20 лет; к третьему — от 4 до 8.

Все ссыльные по прибытии на каторгу причислялись в отряд испытываемых. Закон четко регламентировал этот период: для каторжников первого разряда бессрочных он длился 8 лет, для срочных — 5; для каторжных второго разряда, осужденных на сроки от 12 до 15 лет, — 2 года и т.д. Самый непродолжительный срок испытательного периода был у каторжных третьего разряда — от полутора до одного года [8, с. 36].

Ст. 96 Устава определяла условия причисления каторжан в отряд исправляющихся. Во время периода испытания они должны были «подать надежду на исправление доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбия». Через установленное время пребывания в отряде исправляющихся каторжане получали «дозволение» жить вне острога, им возвращались деньги и ценные вещи, они

могли вступать в брак. При этом десять месяцев для незамеченных ни в чем «порочном» каторжан засчитывались за год действительных работ. С окончанием сроков каторжных работ осужденные переходили в разряд поселенцев. Бессрочные каторжники также могли быть переведены на поселение, но «не прежде истечения 20 лет со дня поступления на каторгу» и с особого разрешения губернатора или генерал-губернатора. Как видим, отношение к каторжному и здесь, как и в отдельных статьях Уголовного Уложения 1845 и 1903 гг., лишено излишней жестокости, направлено на поощрение исправляющихся.

Второе отделение третьей главы Устава посвящено ссыльнопоселенцам. Ст. 130 и 131 устанавливали принцип их распределения на месте водворения — «по ближайшему усмотрению губернаторов», а также «по назначению губернского правления». Закон предписывал им иметь вид на жительство — особую поселенческую книжку, выдававшуюся бесплатно на срок не более трех лет. Необходимо отметить, что форма поселенческих книжек устанавливалась МВД, а не Министерством юстиции, «по соглашению» с последним.

Устав предусматривал и ряд прав для ссыльнопоселенцев. Так, осужденный имел право на отлучки с места поселения, причем до истечения полугода с момента водворения — в пределах того же уезда с особого разрешения местной полиции, по истечении полугода — в пределах области или губернии. Ст. 24 Устава о паспортах запрещала им вместе с тем жительство и пребывание в губернских городах. Впрочем, последнее практически не соблюдалось.

Ссыльнопоселенцы имели и другие права. Например, право заниматься торговлей и промыслами, не выбирая при этом промысловые свидетельства первых двух или пяти разрядов. Не получив еще звания крестьянина, они могли также быть отпускаемы на сезонные работы на частные золотые промыслы.

Как видим, сроки наказания каторгой и ссылкой были весьма значительными. На самом деле мало кто из ссыльных отбывал полностью свой срок. Как правило, ссыльный, зарекомендовавший себя примерным поведением, послушанием, а также старательным трудом, т.е. имеющий все признаки формального исправления, подпадал под действие какого-либо всемилостивейшего указа, существенно сокращавшего сроки отбывания наказания. Например, манифест в ознаменование коронации Александра III (1883 г.) сокращал назначенный законом для причисления ссыльнопоселенцев в крестьяне десятилетний срок, уменьшал на треть срок каторги, а бессрочную каторгу заменял срочной — на 20 лет.

Тот же манифест предоставлял участникам мятежа 1863 г. в Царстве Польском, «кои остаются еще под полицейским надзором, право свободного избрания местожительства, а равно право поступать в государственную и общественную службу». Или именной высочайший указ от 17 апреля 1891 г., принятый «в ознаменование посещения Сибири его императорским высочеством государем наследником», предусматривал для состоящих на поселении при условии, если они «вели себя совершенно одобрительно, занимались полезным трудом и приобрели оседлость», сокращение срока причисления в крестьяне с десяти лет до четырех. Всемилостивейший манифест от 11 августа 1904 г., например, даровал сосланным на жительство право избирать себе место жительства в пределах Европейской России после семилетнего срока одобрительного во всех отношениях поведения и т.д. [8, прил. VI].

Хронический дефицит рабочих рук на сооружении Транссибирской магистрали послужил причиной принятия государством ряда положений, гарантировавших ссыльным участникам строительства сокращение сроков и послабление каторжного режима. Так, по высочайше утвержденным 7 мая 1894 г. Правилам, каторжанам, проработавшим на строительстве Среднего участка дороги, восемь месяцев засчитывались за год, а поселенцам в 2 раза сокращались сроки причисления в крестьяне. Согласно повелению от 17 апреля 1897 г., генерал-губернаторы и губернаторы Сибири имели право сокращать наполовину сроки административной ссылки всем пробывшим на железнодорожных работах не менее двух лет. Уже в 1910 г. каторжанам — участникам строительства Забайкальского участка Амурской железной дороги два дня работ засчитывались за три дня каторги [8, с. 156–164]. Признавая, что ссыльно-поселенцы составляют значительный процент рабочих, пополнявших недостаток в рабочих руках, забайкальская администрация отмечала, что среди ссыльных, занятых на строительстве дороги, добросовестных работников все-таки немного, а большинство отличается склонностью к пьянству и буйству. «Заработав немного денег, они тотчас же уходят, увлекая своим примером иногда целые партии своих товарищей, поступают к другому подрядчику и снова через непродолжительное время уходят, повторяя подобный прием по многу раз» [4, ст. 1977].

Принятие подобных указов, облегчавших участь осужденных, было скорее правилом, чем исключением. Так, только с 1883 по 1906 г. были обнародованы и вступили в силу, по нашим подсчетам, по крайней мере, девять всемилостивейших манифестов, или по одному каждые два с половиной года. Однако надо понимать природу этих актов: их принятие было продиктовано не столько гуманизмом, сколько необходимостью разгрузить всегда переполненные тюрьмы, места каторги и поселения. Тем не менее широкое применение государством комплекса льгот и поощрений означало следование так называемой прогрессивной системе в пенитенциарной практике и свидетельствовало о существовании сложившейся политики в деле организации каторги и ссылки.

Не везде пенитенциарная политика имела подтверждение практикой, достаточно, например, проследить судьбу «простого» ссыльного. После тяжелейшего многодневного пути по железной дороге из Москвы до Нижнего Новгорода, далее баржей до Казани, крестьянской подводой до Тобольска, пешим порядком до Иркутска, затем до уездного городка ссыльный наконец-то поступал в распоряжение полицейского пристава, который и распределял его в конкретную волость.

Со дня прибытия в волость выдача кормовых денег прекращалась. По проверке численности и документов прибывших партия разбивалась писарем на мелкие части, которые в сопровождении сотских должны были отправляться по деревням для водворения. Но на место водворения уходили только семейные, истосковавшиеся за месяцы пути по своему очагу, одинокие же в большинстве своем меняли или продавали крестьянам свою казенную одежду и шли кто куда. Многие продолжали оставаться здесь же, сбивались в группы, жили подаянием, а чаще скрытым разбоем и воровством. Местные жители относились к таким ссыльным крайне враждебно и, не находя защиты у властей, часто прибегали к самосуду, не давая попавшимся на краже бродягам никакой пощады.

По свидетельствам чиновников по крестьянским делам, положение большинства прибывших ссыльных было удручающим. Не имея ника-

ких средств, не ориентируясь в местных условиях, привыкнув к казенному пайку, они оставались в прибайкальских селах по существу брошенными на произвол судьбы или обстоятельств и практически целиком зависели от «доброто» крестьянина-старожила.

Прибывшие в деревню с намерением заняться земледелием ссыльные обращались к сельскому старосте с просьбой отвести им землю. После многочисленных проволочек со стороны сельского общества более настойчивым ссыльным ее отводили. При этом им доставался крайний, худший, слабо культивированный участок, так как лучшие земли были заняты старожилами. В Иркутской губернии и Забайкалье ссыльным, на основании постановления Совета Главного управления Восточной Сибири, должна была отводиться земля в количестве 15 десятин на душу. Однако крестьянское население само по себе всегда ощущало «стеснение» в свободной земле, поэтому на деле ссыльным доставались остатки или вообще целинные земли. В части районов сельские общества давали полупай земли или покоса, только через десять лет ссыльные получали наделы в полном объеме наравне со старожилами [3, с. 137–138].

Несостоятельность правительственной поддержки для водворяемых ссыльных видна даже из ст. 329 Устава о ссыльных. Согласно этой статье, старожил, пускающий ссыльнопоселенца к себе в дом на житье, должен был получать некое вознаграждение в виде полплатката арестантского содержания в течение четырех месяцев за каждого принятого ссыльного. Таким образом государство стремилось к стимулированию оказания помощи ссыльным. На деле же этого не было, подобные случаи не известны.

Последняя, шестая глава Устава предусматривала наказание ссыльным, совершившим преступления на каторге или поселении. Характерно, что при этом ссыльные судились не по Уставу о наказаниях, а по Уставу о ссыльных. Например, за преступление, влекущее за собой по Уголовному Уложению лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы, каторжный первого разряда подлежал одиночному заключению на сто дней и содержанию в отряде испытуемых без срока [8, с. 89].

Особо наказывались ссыльные каторжане и поселенцы за побег. Побегом признавалось: для поселенца — самовольное отсутствие в месте постоянного пребывания более одного месяца, для каторжанина — более семи дней. При этом степень наказания за побег зависела от места обнаружения беглеца и его поимки. Например, пойманный в пределах Сибири каторжник первого разряда бессрочник наказывался одиночным заключением от 60 до 80 дней с содержанием в отряде испытуемых от 10 до 12 лет; ссыльнопоселенец подвергался наказанию розгами, аресту при полиции и принудительным работам или же тюремному заключению до 2 лет.

Если же осужденный был пойман в Европейской России, наказание за побег было более суровым. Для каторжанина-бессрочника — одиночное заключение от 80 до 100 дней с содержанием в отряде испытуемых от 15 до 20 лет, для поселенца — каторжные работы от 3 до 4 лет (ст. 242 Устава о ссыльных).

Как видим, побег из ссылки считался одним из тяжких преступлений и наказывался весьма сурово. Тем не менее угроза тюремного заключения или продления каторжных работ не останавливала беглецов: каждой весной тысячи ссыльных бежали с мест поселения, пополняя и без того многочисленные отряды сибирских бродяг.

Анализ законодательных актов о ссыльных позволяет сделать следующие выводы. Каторга и ссылка являлись важнейшим инструментом охранительной и карательной политики государства. Об этом свидетельствует сосредоточение управления институтом ссылки в ведении нескольких ведущих министерств — юстиции, внутренних дел, военного. Ссылка в каторжные работы или на поселение являлась наказанием, назначаемым судом, и была следствием преступных действий наказуемого. Государство постоянно совершенствовало механизм организации ссылки: согласно требованиям времени изменялся порядок пересылки арестантов, распределение их по губерниям и областям Сибири. Содержание каторжан и ссыльнопоселенцев, наличие института испытываемых и исправляющихся, практика снижения сроков наказания — все это свидетельствовало о существовании у государства целостного представления о мерах защиты общества от преступника, его наказании и исправлении.

Следует отметить и то, что российское законодательство в целом слабо учитывало быстро меняющуюся экономическую, финансовую, социальную ситуацию в стране, и в сибирском регионе в частности. Рост капиталистических отношений, активное расслоение крестьянства, его пролетаризация, увеличение в городах количества рабочих и ремесленников — все это меняло и характер уголовной преступности. Распределение «ссыльного дела» в руках нескольких ведомств вносило дезорганизацию, порождало безнаказанность и злоупотребление властью.

Список использованной литературы

1. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского с 1819 по 1822 год / В. Вагин. — СПб., 1872.
2. Иванов А.А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX—начала XX в. / А.А. Иванов. — Иркутск, 2001. — 275 с.
3. Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию: 1897 / А.А. Кауфман. — Иркутск, 1900. — 179 с.
4. Краткая объяснительная записка к проекту министра юстиции о преобразовании каторги // Тюремный вестник. — 1913. — № 12. — Ст. 1977.
5. Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки / А.Д. Марголис. — М., 1995. — 208 с.
6. Устав о ссыльных // ПСЗ-1. — Т. 38. — № 29128.
7. Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи. — 1857. — Т. 14. — Тетрадь 5. — 152 с.
8. Устав о ссыльных (по изданию 1909 года) с разъяснениями Правительствующего Сената с алфавитным и предметным указателем и с приложением из правил о предоставлении льгот ссыльным / сост. Л.И. Марколь. — Изд. 2-е. — Иркутск, 1911.

Referenses

1. Vagin V. Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo s 1819 po 1822 god / V. Vagin. — SPb., 1872.
2. Ivanov A.A. Istoriografiya politicheskoi ssylki v Sibir' vtoroi poloviny XIX—nachala XX v. / A.A. Ivanov. — Irkutsk, 2001. — 275 s.
3. Kaufman A.A. Zemel'nye otnosheniya i obshchinnye poryadki v Zabaikal'e po mestnomu issledovaniyu: 1897 / A.A. Kaufman. — Irkutsk, 1900. — 179 s.
4. Kratkaya ob'yasnitel'naya zapiska k projektu ministra yustitsii o preobrazovanii katorgi // Tyuremnyi vestnik. — 1913. — № 12. — St. 1977.
5. Margolis A.D. Tyur'ma i ssylka v imperatorskoi Rossii: issledovaniya i arkhivnye nakhodki / A.D. Margolis. — M., 1995. — 208 s.

6. Ustav o ssyl'nykh // PSZ-1. — Т. 38. — № 29128.

7. Ustav o ssyl'nykh // Svod zakonov Rossiiskoi imperii. — 1857. — Т. 14. — Tetrad' 5. — 152 s.

8. Ustav o ssyl'nykh (po izdaniyu 1909 goda) s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata s alfavitnym i predmetnym ukazatelem i s prilozheniem iz pravil o predostavlenii l'got ssyl'nykh / sost. L.I. Markol'. — Izd. 2-e. — Irkutsk, 1911.

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, Сибирская академия права, экономики и управления, г. Иркутск, e-mail: ottisk@irmail.ru.

Author

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Siberian Academy of Law, Economics and Management, Irkutsk, e-mail: ottisk@irmail.ru.